

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ЛИТЕРАТУРА. 2024–2025 уч. г.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 11 КЛАСС

Задание 1. РАБОТА НАД КОМПОЗИЦИЕЙ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Традиционно основу композиции эпического и драматического текста составляет основная сюжетная линия, в которой реализуется центральный конфликт произведения, связанный с образом главного героя. Обычно эта сюжетная линия имеет три композиционных элемента: завязку, кульминацию и развязку. Часто кульминация определяет развязку, в которой положение героя улучшается по сравнению с завязкой или ухудшается (счастливый или несчастливый финал).

1.1. Определите произведение по описанию завязки, кульминации и развязки сюжета.

- Завязка: героиня говорит подруге, что любит не мужа, а другого человека.
- Кульминация: героиня признаётся мужу в присутствии его матери, что у неё есть возлюбленный.
- Развязка: героиня кончает жизнь самоубийством.
 1. Укажите название произведения.
 2. Укажите автора произведения (напишите фамилию, имя, отчество).
 3. Укажите жанр произведения.
 4. Вспомните как можно больше персонажей произведения. Запишите имена/фамилии персонажей (не менее двух).

Внимание! Ответ, написанный с ошибкой/опечаткой, не засчитывается.

1.2. Сочините кульминационную сцену, которая приведёт к другой развязке, и обозначьте развязку (финал) одной-двумя фразами (чем закончится история). Работа объёмом менее 50 слов будет оцениваться **нулём** баллов.

Оцениваются: логичность и оригинальность сочинённого эпизода (кульминации), его преемственность по отношению к содержанию текста; соответствие развязки (финала) образу и характеру героя и новой кульминации; соответствие стиля сочинённого текста литературному произведению; общая грамотность.

Задание 2. ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно.

Рекомендуемый объём – 300–400 слов. Работа объёмом менее 50 слов будет оцениваться нулём баллов.

Перед ответом на задание укажите НОМЕР варианта текста, который вы анализируете.

Вариант 1

Зубков Б. В. (1923–1986), Муслин Е. С. (1930–2018)

Непрочный, непрочный, непрочный мир

Путешествие началось в подвале. Опасное путешествие через весь Большой Город. Ему вручили огромный неуклюжий свёрток, и, когда он взял его в руки, он стал преступником. Его наспех обучили мерам предосторожности: каких улиц избегать, как вести себя при встрече с агентами Службы Безопасности, что отвечать на возможном допросе... Хотели дать провожатого, но он отказался. Зачем? Двое подозрительнее. Опасность, поделённая на две части, остаётся опасностью. Это всё равно, что прыгать с моста... вдвоём. Вместо одного утопленника будет два. И только. Пусть уж лучше он потащит через весь город страшный груз, останется наедине с неуклюжим ящиком, где лежит ЭТО.

...Какой же всё-таки неудобный свёрток! Дьявольски неудобный! Будто он весь состоит из углов. Когда держишь его на коленях, острые углы вонзаются под мышки, твёрдое ребро раздавливает грудь, а руки, охватившие свёрток сверху, деревенеют. Да, руки совсем занемели...

Но пошевелиться нельзя, обратишь на себя внимание. И без того всем мешает твой ящик. В вагоне подземки тесно, как в банке с маринованными сливами. Он любил маринованные сливы. В детстве. Теперь нет настоящих слив. Теперь главная пища – галеты «Пупс». В вагоне все жуют эти галеты. Их жуют всегда. С утра до ночи. Знаменитые ненасыщающие галеты «Пупс». Заводы, синтезирующие галеты, работают круглые сутки. «Галеты “Пупс” обновляют мускулы, разжижают желчь и расширяют атомы во всём организме...» Как бы не так! Здесь простой расчёт – выгоднее продать железнодорожный состав дряни, чем автофургон настоящей еды... Во рту галеты тихо пищат «пупс... пупс...» и тут же... испаряются. Словно раскусываешь зубами маленькие резиновые шарики, надутые стопроцентным воздухом...

Проклятый свёрток сползает с коленей. Руки онемели и словно чужие...

У его отца были камни в почках. Старинный благородный недуг. Сейчас редко кто им страдает. С какой гордостью мать готовила горячую ванну, когда отца одолевала очередной приступ. Пусть все знают, что её муж болен исключительной, благородной болезнью! Про галеты «Пупс» не скажешь, что они ложатся камнем на желудок или другие органы. Можешь сожрать пятифунтовую пачку галет и тут же вновь почувствовать зверский аппетит. И жажду. Кругом все жуют пищащие галеты и облизывают сухие губы. Он знает, о чём мечтают пассажиры подземки – на ближайшей станции броситься

к автоматам, продающим напиток «Пей-За-Цент». Напиток не утоляет жажды, его пьют в огромных количествах, автоматы торгуют порциями по два галлона каждая, жаждущие подставляют под коричневую струю бумажные вёдра...

Свёрток всё же сполз с коленей... Ужасная неосмотрительность!.. Упёрся острым углом в чей-то живот, обтянутый зелёным плащом... Только этого не хватало!

Кен Прайс почувствовал, что владелец зелёного плаща пристально разглядывает его. Он ощущал этот взгляд кожей лба и кончиками ушей. Взгляд, тяжёлый, как свинцовая плита, и пронзительный, как фары полицейской машины. Прайс втянул живот, стараясь запихнуть ящик куда-то себе под рёбра, прижался к спинке дивана, страстно желая уменьшиться в размерах, сплющиться в лепёшку... О ужас!.. Обшивка свёртка! Она лопнула!.. Сейчас все увидят ЭТО – его позор, его преступление!.. Скандал! Шум! Негодующие лица... Тип в зелёном остановит поезд прямо в туннеле. Холодная сталь наручников вопьётся в кожу... В Службе Безопасности его ждёт шар – изолятор для особо опасных... Он видел их в кино: стеклянные шары-клетки, висящие на здоровенных кронштейнах вокруг высокой железобетонной башни... Прайс отважился взглянуть на владельца зелёного плаща. Тот, сняв очки и близоруко щурясь, протирал стёкла бумажным платком. Прайсу повезло! Тип в зелёном носил дешёвые быстротускнеющие очки – через неделю после покупки в них не увидишь и собственного носа. Всё тот же Универсальный Торговый Принцип – непрочные вещи покупают чаще. Пусть даже покупают по дешёвке, но всё чаще и чаще. Ежемесячно, потом еженедельно, ежедневно, ежечасно... В кармане у Прайса громко и протяжно зазвенело, затем так же протяжно закрипело и глухо хрюкнуло. Взорвались часы с одноразовым заводом. «Когда кончается завод, часы взрываются удивительно мелодично». Рекламные побасёнки! Ничего себе – мелодично! Скрип гвоздя по стеклопластику – вот она, ваша мелодия! Пусть его перепилят быстрозатупливающейся пилой, если он ещё хоть раз купит такие часы. Конечно, если ему вообще придётся когда-нибудь что-нибудь покупать. Если он и ЭТО не попадут в лапы агентов безопасности. Прайс сунул руку в карман. Пальцы нащупали нечто вроде комка слизистой глины... Брр... Это всё, что осталось от часов. Новейший блиц-металл, теперь из него делают массу вещей, даже автомобили. Кажется, его зять имел отношение к этому патенту. Специальный блицметалл с особой структурой, ровно за две недели размягчается в слизистую пакость...

Тот, в плаще, всё ещё протирает очки, ему теперь не до подозрительных свёртков. Зря перепугался! Ясно, что этот, в зелёном, не имеет касательства к Службе Безопасности. Не такие же они дурни, чтобы напяливать на своих агентов быстротускнеющие очки.

Обшивка свёртка!.. Прайс похолодел. Как он мог забыть про неё! Обшивка треснула сверху и сбоку и расползается на глазах у всех! Ещё секунда – и конец!.. Нет, нет! Всё в порядке! Всё идет хорошо! Ведь он завернул ЭТО в кусок старой брезентовой накидки, которой его дед прикрывал свой грузовичок. Только снаружи ЭТО обёрнуто в быстрорасползающийся

однодневный мешок, а внутри – надёжный брезент. Отличный кусок брезента, теперь ему цены нет, достался по наследству, другой кусок дед завещал Мэди. Старый брезент надёжно скрывает содержимое свёртка.

И всё же надо сделать ещё одну пересадку. Замести следы. С безразличным видом стоять возле двери и выскочить в последний момент, когда поезд уже трогается. Потом повторить эту процедуру в обратном порядке: дожждаться, пока все не войдут в вагон, и прошмыгнуть между створками закрывающейся двери. Если никто не устремится за тобой, значит слежки нет. Так его учили там, в подвале.

Прайс сошёл у Сентер-ринга и пересёк платформу. Прозевал первый поезд, дождался второго, услышал сигнал к отправлению, помедлил ещё секунду и, когда створки дверей начали сближаться, ринулся в вагон. Неожиданно навстречу ему выскочил замешкавшийся толстяк. Прайс попятился, пошатнулся и, желая удержать свёрток от падения, инстинктивно выставил его вперёд на вытянутых руках. Створки двери зажали ящик и выдернули его из рук Прайса. Состав тронулся рывком. В какое-то мгновение Прайс успел заметить, что свёрток больше чем наполовину свисает снаружи вагона.

Мелькнул красный огонёк в хвосте состава, и мрак туннеля проглотил вагоны. Прайс бросился бежать по перрону вслед поезду. Его толкали. Он разбивал толпу. Перрон кончился. Поезд уносил свёрток. Уже ничего не соображая, Прайс соскочил на рельсы. Сзади кричали. Завыла сирена, раскалывая пронзительным звуком плотный и жаркий воздух. Прайс бежал между рельсами. Они казались ему толстыми блестящими змеями, и он боялся, что они ухватят его за ноги. Поэтому он бежал, неестественно высоко подпрыгивая. Сирена продолжала завывать. Прайс заткнул уши, упал, сильно ушибся. Вскочил на ноги и помчался вперёд. Сбоку, сверху, снизу мелькали световые сигналы, перемигивались светофоры, ярко желтели надписи. Огни сливались и чертили вдоль тьмы сверкающие линии. Он падал ещё три или четыре раза. Элегантные ботинки с быстропротирающейся подошвой расплзлись, как кожура гнилого банана. Пластмассовым градом сыпались саморасстёгивающиеся запонки и самоотрывающиеся пуговицы. Воротник однодневной рубашки растаял и жирными каплями стекал по спине. Из кармана выскочил быстротеряющийся кошелек. Пояс из быстрогниющей кожи лопнул. Он бежал, спотыкаясь, придерживая одной рукой брюки. Мир непрочных вещей издевался над ним. А рядом бежал страх. Пожирающий пространство грохот обрушился сзади. Его настигал поезд. Но своды туннеля обманули Прайса – грохот возвещал о приближении встречного. Ослепительный свет одноглазой фары парализовал Прайса, ноги прилипли к рельсам, он почувствовал дыхание металла – поезд надвигался и рос. Шквал горячего воздуха отбросил в сторону и спас его. Раскалённая пыль вонзилась в лицо, и грохот умчался.

С трудом переступая босыми ногами, он добрался до следующей станции. Его втащили на платформу. Разгорячённые лица. Как их много! Где его свёрток? Подошёл полицейский. Штраф? Он согласен, получите деньги... Где свёрток? Он

сумасшедший? Нет, вот карточка его психиатра, можете узнать... Где свёрток?.. Вызвать санитаров? Спасибо, ему уже лучше... Где свёрток?..

Свёрток принесли. Изрядно помятый, но целый. Старый брезент выдержал испытание. Никто не увидел, ЧТО скрывается внутри. Никто... О боже. Всё обошлось!

Волоча ногу и тихо постанывая, Прайс выбрался на свежий воздух. Он был полураздет и тащился к ближайшим торговым автоматам. Он опускал монеты и всовывал руки, ноги и шею в полукруглые дыры. Автоматы напялили на него однодневные ботинки, приклеили к рубашке одноразовый воротник, пристегнули теряющиеся запонки, залепили дыры быстроотклеивающимся пластырем и всучили модную шляпу «Носи-Бросай». Когда автомат с весёлым скрежетом проглатывал монету, мощный динамик выкрикивал: «Всё-Для-Вас-На-Один-Раз, Всё-Для-Вас-На-Один-Раз». Железные молодчики торговали непрочной дешёвкой... Вещи-однодневки. Надёжные, как верёвка из теста. Долговечные, как кусок льда на раскалённой жаровне. Горсть праха, пригоршня дыма, не больше. Здесь были книги с исчезающим текстом – через неделю перед тобой белые страницы. Чернеющие газеты, которые не успеваешь прочесть и вынужден приобретать следующий ежечасный выпуск. Быстрохолодеющие утюги и легкоплавкие сковородки. Микродырявые канистры. Твердеющие подушки. Засоряющиеся краны. Духи «Коко», начинающие через неделю мерзко вонять. Гвозди из блицметалла. Бумажные телевизоры... Их дешевизна не компенсировала их недолговечность. Напротив, дешевизна разоряла покупателя. Карусель вынужденных покупок вертелась всё быстрее и быстрее, выматывая душу, опустошая карманы...

Последнюю монету Прайс опустил в щель на жёлтом столбике. В тротуаре откинулся люк, и из него поднялась одноместная скамейка для кратковременного отдыха. После всех передраг он мог позволить себе такую роскошь. Возле жёлтого столбика остановилась собачонка. Прайс нагнулся, чтобы придвинуть свёрток ближе к скамейке. Собачонка злобно оскалила зубы, и Прайс отпрянул от неё. Бродячие собаки опасны! Крайне опасны! Следуя общему Торговому Принципу, компания «Шпиц-Такса лимитед» снабжает старых леди комнатными собачками, которые через три недели становятся бешеными. Естественно, что владелицы собачек выбрасывают их на улицу, не дожидаясь истечения гарантийного срока. Получить в ногу порцию ядовитой слюны – кошмар! Прайс схватил свёрток, вскочил на скамейку и угрожающе замахнулся на собаку. Собачонка поджала хвост и метнулась в сторону, но тяжёлый свёрток вырвался из рук Прайса и плюхнулся на асфальт. Тут же прохожие затолкали его ногами, отшвырнули на край тротуара. Болван! Дырявые руки! Испугался жалкой собаки!.. Подними свёрток!.. Нет! Не доверяйся первым порывам! Будь осторожен, как верхолаз на телевизионной мачте. Если за тобой следят, то выгоднее сделать вид, будто ты не имеешь касательства к этому ящику, к этой ужасной улике преступления. Сейчас никто не сможет доказать, что свёрток принадлежит тебе: ты – здесь, свёрток – там. Успокойся! Сядь! Сделай вид, что ты занимаешься своей шляпой, она тоже

упала от резкого движения. Подними её, приведи в порядок. Вот так! Отличная шляпа, специально для хождения по солнечной стороне улицы. Есть и другие шляпы, очень похожие на твою, но они только для теневой стороны, на солнце улетучиваются, как дым. Пшик – и всё тут! А внутри этой шляпы ярлык «четырнадцать часов под солнцем». Потом, конечно, тоже улетучивается... Свёрток лежит на старом месте. Все спешат, проходят мимо, никто им не интересуется...

Никто не интересуется? Как бы не так! Блондинка в клетчатом костюме! Остановилась в пяти шагах от Прайса и делает вид, что рассматривает своё изображение в стекле витрины. Можно поклясться, что она притормозила именно в тот момент, когда он швырнул свёрток в собаку. Женщина – агент безопасности? Многие домохозяйки подрабатывают в свободное время, выполняя щекотливые поручения Службы Безопасности. Что это она рассматривает в этой дурацкой витрине? Ведь это магазин «Для мужчин». Что ей там понадобилось? Бальзам для лысых, превращающийся в Истребитель Волос. Ах, вот в чём дело! Она рассматривает в стекле свой клетчатый костюм. Коричневые полосы, образующие клетки, становятся всё шире и шире. Костюм расползается!

Блондинка взвизгнула, обхватила себя руками, придерживая остатки костюма, и с видом купальщицы, входящей в холодную воду, побежала к ближайшей кабинке для переодевания. На всех перекрёстках стояли такие пёстрые кабинки, внутри которых ждали очередную жертву автоматы, торгующие готовыми платьями.

Прайс неожиданно упал, это скамейка для кратковременного отдыха ускользнула из-под него обратно в люк. Поднявшись, он впервые за этот ужасный день вдруг почувствовал душевное облегчение. С безразличным видом, даже позволяя себе насвистывать, он подобрал свёрток и зашагал в сторону четыреста сороковой улицы.

Там был его дом, там его ждали и волновались. Он должен как можно скорее избавиться их от страха за его судьбу. И лишь там он почувствует себя в сравнительной безопасности.

Жена встретила его в подъезде. Бедняга! Сколько раз она выбегала встречать? Сколько раз прислушивалась к шагам, стукам, шорохам? Милая! Только ради неё он решился на столь кошмарное путешествие.

Они прошли прямо в кухню, где единственное окно выходило на безлюдный пустырь. Из дальней комнаты доносился визг циркульной пилы. Разумеется, там ничего не пилили, визжала недолговечная пластинка. После десяти проигрываний скрипичный квартет превратился в соло циркульной пилы.

– Ты принёс ЭТО? – спросила Сали.

Она не решилась назвать содержимое свёртка своим именем, так суеверный дикарь не называет вслух предмет своей охоты.

– Я принёс. Ты так просила.

– Разверни, я хочу увидеть.

– Задёрни шторы.

– Они рассыпались перед твоим приходом. Но не бойся, милый. Ещё утром потемнели стёкла в окне. Никто не увидит.

Он снял брезент. Внутри оказался продолговатый ящик из серого картона. Они разорвали картон и поставили посреди комнаты ЭТО.

Это была Кухонная Табуретка. Настоящая! Прочная! Из настоящей сосны. Её сделали утром в подпольной мастерской, и свежие янтарные капельки настоящего столярного клея блестели так аппетитно, что их хотелось лизнуть языком.

Продажа и покупка прочных вещей были запрещены Федеральным Торговым Законом. Ослушников ждала суровая кара. Но Прайс всё же сумел, не побоялся подарить жене в день её рождения Настоящую Прочную Кухонную Табуретку!

(1967)

Вариант 2

Б. Л. Пастернак (1890–1960)

После дождя

За окнами давка, толпится листва,
И палое небо с дорог не подобрано.
Всё стихло. Но что это было сперва!
Теперь разговор уж не тот и по-доброму.
Сначала всё опрометью, вразноряд
Ввалилось в ограду деревья развенчивать,
И попраным парком из ливня – под град,
Потом от сараев – к террасе бревенчатой.
Теперь не надышишься крепью густой.
А то, что у тополя жилы полопались, –
Так воздух садовый, как соды настой,
Шипучкой играет от горечи тополя.
Со стёкол балконных, как с бёдер и спин
Озябших купальщиц, – ручьями испарина.
Сверкает клубники мороженный клин,
И градинки стелются солью поваренной.
Вот луч, покатайся с паутины, залёг
В крапиве, но, кажется, это ненадолго,
И миг недалёк, как его уголёк
В кустах разожжётся и выдует радугу.

(1915)